

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЯНН МАРТЕЛ

ВЫСОКИЕ ГОРЫ
ПОРТУГАЛИИ

Москва
2017

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М29

Yann Martel

THE HIGH MOUNTAINS OF PORTUGAL

Copyright © 2016 Yann Martel

This edition published by arrangement with Westwood
Creative Artists and Synopsis Literary Agency

Фото автора © 2015 by Emma Love

Перевод с английского *И. Алчеева*

Художественное оформление *А. Старикова*

Иллюстрация на переплете *М. Мовшиной*

Мартел, Янн.

М29 **Высокие Горы Португалии / Янн Мартел ;**
[пер. с англ. И. Н. Алчеева]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 448 с. — (Интеллектуальный
бестселлер).

ISBN 978-5-699-99657-5

Каждый справляется с болью утраты по-своему. Кто-то начинает ходить задом наперед, кто-то — запоем читать Агату Кристи, а кто-то заводит необычного друга. Три совершенно разные судьбы сходятся в мистическом пространстве — Высоких Горах Португалии.

Лауреат Букеровской премии Янн Мартел для своего нового, блистательного романа о вере и скорби нашел гармоничный, полный лиризма стиль. «Высокие Горы Португалии» в своей фантазии и пронзительности поднимаются до заоблачных высот.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

© Алчеев И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99657-5

*Элис и Тео,
Лоле, Феликсу и Джасперу —
история моей жизни*

Часть 1

Бездомный

Томаш решает пройтись пешком.

От его скромной квартирки на улице Сан-Мигел в пользующемся дурной славой квартале Алфамы до старинного дядюшкиного особняка в зажиточной Лапе путь не близкий — почти через весь Лиссабон. Где-то час ходьбы. Но утро выдалось погожим и теплым — прогулка обещала быть приятной. Давеча заезжал Сабиу, дядюшкин слуга, — забрал его чемодан и деревянный кофр с нужными бумагами для поездки в Высокие Горы Португалии, так что Томашу остается одно — перебраться самому.

Он ощупывает нагрудный карман куртки. Дневник отца Улиссеша на месте — завернут в мягкую тряпицу. Глупо брать его с собой, крайне неосмотрительно. Не дай бог потеряется — беда. Будь он посмышленей, оставил бы его в сундуке. Но этим утром Томашу нужна особая моральная поддержка — как всякий раз, когда он идет к дядюшке.

Даже в столь сильном возбуждении он не забывает прихватить подаренную дядюшкой трость

вместо повседневной. Рукоятка дядюшкиной трости сработана из слоновой кости, а палка — из африканского красного дерева, и все же она не совсем обычная: сбоку, прямо под рукояткой, на ней имеется выдвигаемое кругленькое зеркальце. Оно чуть выпуклое — и отраженная картинка выглядит уж больно расплывчатой. Однако ж проку от зеркальца ни на грош, да и сама придумка неудачная, потому как рабочая прогулочная трость по природе своей пребывает в постоянном движении, а стало быть, отражение беспрерывно скачет и мелькает, сводя всю затею на нет. Но столь причудливая трость — дядюшкин подарок, сделанный на заказ, и всякий раз, собираясь навестить дядюшку, Томаш берет ее с собой.

С улицы Сан-Мигел он выходит на площадь Сан-Мигел, идет по улице Сан-Жуан-да-Праса, потом сворачивает под Арку Иисуса — простой и знакомый с детства маршрут для пешей прогулки через весь город, средоточие красоты и сутолоки, торговли и культуры, испытаний и наград. У Арки Иисуса он вдруг вспоминает Дору — она улыбается, желая прикоснуться к нему. Вот когда трость может согдиться: воспоминания о Доре неизменно выводят его из равновесия.

— А ты у меня богатенький, — как-то сказала ему она, когда они лежали в постели у него дома.

— Боюсь, нет, — возразил он. — Вот дядюшка у меня богатенький. А я — бедный сын его бед-

ного братца. Папаше счастье в делах никогда не улыбалось, не то что дядюшке Мартиму, вот уж везунчик каких поискать.

Он никогда об этом ни с кем не говорил — не откровенничал насчет превратностей судьбы своего отца, его деловых планов, рушившихся один за другим, что вынуждало его то и дело рассыпаться в благодарностях перед братом, спасавшим его снова и снова. Но Доре можно было открыться.

— Эх, что ни говори, а у богатеньких непременно кубышка где-нибудь да припрятана.

Он усмехнулся:

— Да ну? Я и понятия не имел, что мой дядюшка утаивает свое богатство. А раз так, если денег у меня куры не клюют, почему ты не хочешь пойти за меня?

По дороге на него таращатся прохожие. Одни отпускают колкости, большинство других — благие пожелания.

— Гляди не навернись! — участливо взывает какая-то дамочка.

К такому общественному вниманию Томаш привык; за насмешливыми кивками не угадывает доброжелательства.

Непринужденной походкой он знай себе вышагивает в сторону Лапы, вскидывая то одну ногу, то другую, а потом с той же очередностью резко опуская их. Изящная поступь.

Он наступает на апельсиновую корку — но не поскользывается.

Не замечает спящую собаку — но пяткой впечатывается в каком-нибудь сантиметре от ее хвоста.

Оступается, спускаясь по какой-то кривой лестнице, — но, удерживаясь за поручень, с легкостью вновь обретает устойчивость.

Мелкие незадачи вроде этих случаются и дальше.

При упоминании женитьбы улыбку с лица Доры как рукой сняло. С ней всегда было так: то беззаботная веселость, то вдруг глубокая озабоченность.

— Нет, твоя родня наверняка укажет тебе на дверь. А семья — это все. Ты не можешь гнушаться ими.

— Ты моя родня, — возразил он, глядя ей прямо в глаза.

Она покачала головой:

— Нет уж.

Его глаза, большую часть времени избавленные от тягостной необходимости смотреть вперед, разом обмякают в глазницах, точно два пассажира в шезлонгах на корме судна. Они не вперяются в землю, а блуждают по сторонам, будто во сне. Примечают изгибы облаков и деревьев. Мечутся вслед за птицами. Наблюдают, как лошадь, сопя, тянет повозку. Останавливаются на упущенных ранее архитектурных изысках зданий. Следят за суетой на улице Кайс-де-Сантарем. Словом, утро этого приятного позднедекабрьского денька 1904 года обещает дивную прогулку.

Дора, прекрасная Дора. Она прислуживала в доме у его дядюшки. Томаш положил на нее глаз в первый же свой визит к дядюшке, когда ее только-только взяли на службу. Он не смел отвести от нее глаз и выбросить ее из головы. Он лез из кожи вон, стараясь быть с девушкой как можно учтивее, выискивая любую возможность перемолвиться с нею словечком то по одной ничтожной мелочи, то по другой. Так он мог разглядывать ее тонкий нос, ясные черные глаза, мелкие белоснежные зубы, каждое ее движение. Он вдруг стал частым гостем. И точно помнил тот день, когда Дора поняла: он обращается с нею не как со служанкой, а как с женщиной. Ее глаза мельком встречались с его глазами, взгляды на мгновение сливались, и она тут же отворачивалась, — но лишь после того, как уголки ее рта успевали растянуться в участливой улыбке.

Тогда его распирало от избытка чувств, и классовые и общественные барьеры, совершенно немислимые и неприемлемые, — все шло прахом. В другой раз, когда он подавал ей свою куртку, их руки соприкоснулись, и они не спешили нарушить это соприкосновение. С этого все и завершилось. До той поры у него если с кем и была интимная близость, то лишь с двумя-тремя проститутками, и всякий раз это сперва ввергало его в крайнее возбуждение, а после — в глубокое уныние. И всякий раз он стыдливо бежал прочь и клялся, что такое больше не повторится. С Дорой

же это ввергало его сперва в крайнее возбуждение, а после — в высшей степени крайнее. Она теребила густые волосы на его груди, прильнув к ней головой. И у него не возникало ни малейшего желания бежать прочь.

— Выходи за меня, выходи, выходи!.. — упрашивал он. — И мы принесем друг другу богатство.

— Нет, мы принесем друг другу бедность и одиночество. Ты ничего не знаешь. А я знаю и не желаю тебе такого.

Плодом их безмятежной любви стал кроха Гашпар. Если б не его горячие мольбы, Дору непременно выставили бы за дверь дядюшкиного дома, когда обнаружилось, что у нее есть младенец. Отец только и поддерживал его, уверяя, что он должен жить любовью к Доре, чего никак нельзя было сказать о дядюшке, молча сносившем бесчестье. Дору перевели на незаметную должность в самом чреве кухни. И Гашпар так же незаметно жил в доме Лобу, вкушая незаметную любовь своего отца, который незаметно любил его мать.

Томаш навещал их так часто, как только позволяли приличия. А Дора с Гашпаром навевались к нему в Алфаму, как только ей выпадали выходные. Они шли в парк, садились на скамейку и глядели, как играет Гашпар. В такие дни они ходили на самую обычную супружескую пару. Томаш был влюблен и счастлив.

Минуя трамвайную остановку, он слышит, как по рельсам грохочет трамвай, новенький транспорт, появившийся от силы года три назад, ярко-желто-сине-сероватый. Пригородные пассажиры рвутся вперед, чтобы забраться в него, а другие пригородные пассажиры спешат из него выбраться. Томаш обходит тех и других — кроме одного, на которого натывается. После короткого взаимного общения с извинениями, предложенными и принятыми, он движется дальше.

Посреди тротуара торчат два-три булыжника, но он легко и плавно перешагивает через них.

Задевает ногой кофейный стул. Тот подскакивает, и только.

Смерть забрала Дору с Гашпаром одним решительным махом — как ни старался врач, которого вызвал дядюшка, все тщетно. Сначала язвы в горле и потеря сил, потом жар, озноб, боли, мучительное глотание, затрудненное дыхание, судороги, расширенные зрачки, удушье, обморок... и конец — землистые тела, скомканные и безжизненные, как простыни, на которых они перед тем метались. Он был рядом с каждым из них. Гашпару было пять, а Доре — двадцать четыре.

Смерть отца, несколькими днями позже, он не застал. Он был в музыкальном салоне в доме Лобу — молча сидел с одной из своих кузин, леденя от скорби, когда вошел дядюшка, мрачный как туча. «Томаш, — проговорил дядюшка, — у меня ужасные вести. Силвештру... твой отец

умер. Я потерял единственного брата». Слова всего лишь звуки, но Томаш почувствовал, как они раздавили его физически, как обрушившаяся каменная глыба, и он возопил, точно раненый зверь. Его горячечно-несуразный отец! Человек, взрастивший его, потакавший ему во всех его мечтаниях!

За какую-то неделю — Гашпар умер в понедельник, Дора в среду, отец в воскресенье — сердце его разорвалось, точно треснувший кокон. Только вылезла из него не бабочка, а серая моль — села на стену его души и уже не шлохнулась.

Состоялись двойные похороны: жалкие — для служанки-деревенщины с ее внебрачным отпрыском и пышные — для бедолаги брата богатого человека, о жизненных неудачах которого благо-разумно помалкивали.

Он не замечает приближающийся экипаж, ступая с обочины, как вдруг возница окликает его — и он отскакивает с пути лошади.

И натывается на прохожего, стоящего к нему спиной. Вскидывает руку и произносит:

— Мои извинения!

Прохожий пожимает плечами и провожает его взглядом.

Делая единовременно один шаг и оглядываясь через каждые несколько шагов назад, чтобы на что-нибудь не наткнуться, Томаш продвигается в сторону Лапы спиной вперед.

«Зачем? Зачем ты это делаешь? Почему не ходишь, как все нормальные люди? Брось валять дурака!» — не раз выговаривал ему дядюшка. В ответ Томаш выдвигал несокрушимые аргументы в защиту своей походки. Разве это называется валять дурака, когда отгораживаешься от стихий — ветра, дождя, солнца, роя букашек, угрюмых взглядов незнакомцев, неуверенности в завтрашнем дне — щитом своего затылка, спины куртки, задней части штанов? Все это наша защита — броня. И служит она для того, чтобы противостоять превратностям судьбы. При всем том, когда человек движется задом наперед, куда более незащищенные части — лицо, грудь, изящные отделки одежды — остаются открытыми от жестокого мира спереди, и ты выставляешь их напоказ лишь в том случае, если сам хочешь к кому-то повернуться и сбросить с себя маску анонимности. Не говоря уже об аргументах спортивного характера. Ведь куда более естественно спускаться с горы спиной вперед, мысленно рассуждает он, разве нет? С изящной легкостью упираешься в землю одним мыском, потом другим, при этом трехглавые мышцы голеней равномерно и точно распределяют приходящуюся на них нагрузку. Таким образом, движения при спуске становятся упругими и ненатужными. А если ненароком оступишься, куда безопаснее в таком случае приземлиться на ягодицы — они-то уж точно смягчат падение, не правда ли? Уж лучше так, чем сломать